

ИЗДАНИЕ

ВЪ БЕРЕЗОВСКОМЪ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

СТАТЬИ И
ОЦЕНКИ

ЭПИЗОДАХЪ

ЛЕГЕНДАХЪ

БИОГРАФИИ
ИХЪ

ВЪ ДВОУХЪ

ТОМЪ IV-й ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВЪ ДВОУХЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

П. Н. ДЕНИСОВСКИЙ

ПРИЖИЗНЕННЪ
1886

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БЮГРАФІЯХЪ

В. ПОТТО.

Вы теперь близко увидите, какъ живеть и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ приветственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его Намѣстникомъ Кавказа.)

Книга эта **Рекомендована** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній
Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ бібліотекъ.

ТОМЪ IV.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828—1829 г.

ВЫПУСКЪ I.

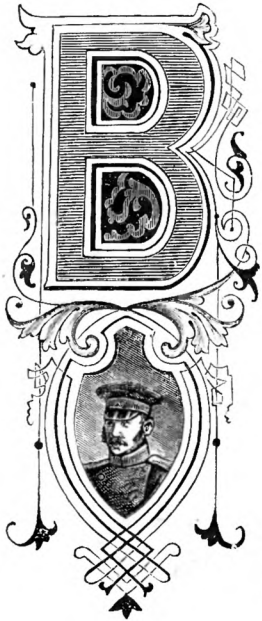
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Иванъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1889

Взятіе Анапы.

Въ то время, какъ на главномъ театрѣ войны Паскевичъ только еще готовился къ походу, вдали, на берегахъ Чернаго моря, совершилось другое событіе, весьма важное для дальнѣйшихъ судебъ войны въ Азіатской Турціи, — перель русскими войсками пала Анапа, этотъ оплотъ турецкаго вліянія на черкесовъ, а черезъ нихъ и на другія племена, населявшія Кавказскія горы.

Серьезное стратегическое значеніе Анапы обуславливалось самымъ ея географическимъ положеніемъ у моря. По отношенію къ черноморской кордонной линіи, она была тѣмъ-же, чѣмъ Ахалцыхъ на границѣ Грузіи, т. е. источникомъ вѣчныхъ тревогъ и поддержкою черкесскихъ набѣговъ. При такихъ условіяхъ Анапа могла не только мѣшать сношеніямъ Европейской Россіи съ Закавказьемъ по Черному морю; но, распространяя свое вліяніе далеко внутрь страны, до волновавшихся Абхазіи и Гуріи, создать по сю и по ту сторону Кавказа, въ тылу дѣйствующей арміи, неисчислимыя затрудненія. Оставить ее въ рукахъ турокъ, во время войны съ этою державою, значило имѣть за своими плечами постоянную угрозу. Не даромъ Султанъ, въ одномъ изъ своихъ фирмановъ, прямо называлъ Анапу ключемъ азіатскихъ береговъ

Чернаго моря. И вотъ, чтобы разобщить два мусульманскіе народа, взаимно поддерживающіе другъ друга, нужно было держать въ рукахъ этотъ ключъ,—и взятіе Анапы, при каждой войнѣ съ Турціей, входило въ число важнѣйшихъ стратегическихъ соображеній.

Турки, съ своей стороны, хорошо понимали значеніе Анапы, дававшее имъ возможность, не расходуя наличныя боевыя силы, распространять военныя дѣйствія на огромномъ пространствѣ, охватывавшемъ все сѣверовосточное побережье Чернаго моря и Прикубанье, и потому крѣпко держали ее въ своихъ рукахъ. Въ Стамбулѣ не безъ основанія рассчитывали, что достаточно только подогрѣвать въ черкесахъ религіозный фанатизмъ народа, чтобы держать эту страну въ постоянномъ возбужденіи противъ Россіи. И они не жалѣли денегъ, осыпали черкесовъ подарками, снабжали ихъ порохомъ, артиллерійскими орудіями, ружьями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдниками. Для черкесовъ Анапа служила представительницею мусульманскаго могущества, и была въ одно и тоже время и арсеналомъ, и «весью» Аллаха,—своего рода Римомъ, откуда въ ихъ землю шли одинъ за другимъ апостолы магометанства. Случилось однажды, что изъ Анапы отправлено было сразу до трехъ сотъ муллъ и дервишей. Краснорѣчивымъ проповѣдникамъ не доставало, однако, весьма важной вещи,—знанія черкесскаго языка, и религіозная пронаганда ихъ осталась по истинѣ гласомъ воиющимъ въ пустынѣ. Современники той эпохи рассказываютъ, что и дервиши и муллы очутились подъ конецъ въ весьма критическомъ положеніи, рискуя даже умереть съ голоду. Но за то на сцену выступили немедленно другіе интересы, сблизившіе черкесовъ съ миссіонерами быть можетъ прочнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать религіозныя наставленія. Чтобы выйти изъ своего непріятнаго положенія, иѣмые проповѣдники принялись за торговлю юнымъ черкесскимъ человѣчествомъ,—и этотъ родъ просвѣщенія превосходно былъ понятъ жадными до барышей черкесами. Красивыя женщины и мальчики, по одиночкѣ и цѣлыми партіями, находили отличный сбытъ въ Анапѣ. За-

кнѣла бойкая торговля — и отдать теперь такое сокровище, какъ Анапа, невѣрнымъ, которые прежде всего наложили бы свою руку именно на эту торговлю, уже не приходилось ни горцамъ, ни туркамъ. Они обѣщали другъ другу взаимную помощь. И вотъ, въ то время, какъ поднималась надъ горизонтомъ грозная туча войны, турецкое правительство поручило французскимъ инженерамъ усилить оборонительныя верки Анапы, удвоило въ ней гарнизонъ, и, вмѣсто слабаго Гасанъ-паши, назначило ея комендантомъ извѣстнаго своею храбростію Чатыръ-Османъ-оглы. Нужно сказать, однако, что храбрость была единственною добродѣтелью новаго начальника, — его предшественникъ былъ гораздо умнѣе и дѣятельнѣе.

Русское правительство съ своей стороны готовилось овладѣть Анапою. И уже въ то время, когда призракъ войны еще только вставалъ въ далекой перспективѣ, князю Меншикову, при возвращеніи его изъ Персіи въ 1826 году, поручено было, между прочимъ, собрать по возможности точныя свѣдѣнія о силѣ Анапскихъ укрѣпленій. Къ сожалѣнію, отношенія между Россією и закубанскими горцами тогда были настолько обострены, что пришлось отказаться отъ мысли узнать черезъ нихъ хоть что нибудь объ Анапѣ. Сохранилась, однако, одна любопытная переписка, свидѣтельствующая объ этихъ стремленіяхъ русскаго правительства. Нужно припомнить, что все время съ 1807 по 1812 годъ, когда Анапа находилась въ русскихъ рукахъ, комендантомъ ея былъ генералъ-маіоръ Бухгольцъ, женатый на черкесской княжнѣ, и черезъ нее имѣвшій въ горахъ большія родственныя связи. Къ нему то — онъ былъ тогда комендантомъ въ Керчь-Еникалъ — и обратился въ 1827 году князь Меншиковъ. Письмо его къ сожалѣнію, не застало Бухгольца въ живыхъ, и за него отвѣтила жена его. Вотъ что писала она:

«Разбирая бумаги покойнаго мужа, касающіяся сдачи имъ Анапы, я нашла подробный планъ крѣпости, который при семъ и посылаю. А такъ какъ я находилась въ Анапѣ вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, то знаю лично, что крѣпость эта была вооруженная; но, по приказанію мужа, когда ее сдавали

Портъ въ 1812 году, разрушены были главныя укрѣпленія и самыя контрфорсы ослаблены, а орудія свезены на флотъ. По настояніямъ наши оставлено было въ то время тамъ лишь нѣсколько самыхъ дурныхъ пушекъ съ негодными лафетами. Подробное описаніе Анапы, какъ я полагаю, погибло во время кораблекрушенія, которое постигло судно, ибо ѣхавшій на немъ священникъ съ семействомъ, вся канцелярія и все наше имущество утонули.

«Будучи сама уроженкой Черкессіи, я понынѣ сохраняю родственныя связи, довѣріе и приверженность къ себѣ латухайцевъ, шансуговъ и абадзеховъ; имѣю родственницу даже въ самой Анапѣ, и еслибы свѣдѣнія эти требовались раньше, то имѣла бы случай, и твердо убѣждена въ этомъ, что могла бы достать вамъ видъ настоящихъ укрѣпленій Анапы и всѣ средства ея, такъ какъ крѣпость находится теперь въ сильно оборонительномъ положеніи. Всегда желала я доставить родинѣ моей покровительство монарха, и для этой цѣли имѣла на родственниковъ моихъ непосредственное вліяніе; съ твердостью удерживаю и понынѣ средства поддерживать мое намѣреніе, сопряженное съ искреннимъ желаніемъ отвлекать народъ сей отъ его заблужденій.»

Чѣмъ кончилась эта интересная переписка и вообще были-ли успѣшны тогда попытки Меншикова собрать свѣдѣнія объ Анапскихъ укрѣпленіяхъ — неизвѣстно.

Но вотъ наступилъ 1828 годъ; разрывъ съ Турціей сталъ уже совершившимся фактомъ, и Анапа вскорѣ должна была испытать на себѣ силу русскаго оружія.

Въ Азіятской Турціи военныя дѣйствія еще не начинались, и даже 2-я армія, графа Витгенштейна, еще только собиралась на Прутѣ, — а къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря уже снаряжена была морская экспедиція и шли сухимъ путемъ русскіе баталіоны. Взятіе Анапы должно было быть однимъ изъ первыхъ чувствительныхъ ударовъ портѣ. Императоръ Николай Павловичъ сознавалъ трудности, съ которыми была сопряжена осада сильной крѣпости, поддерживаемой извнѣ многочисленнымъ горскимъ народомъ, — и на покореніе

Анапы посылалъ десантный отрядъ, сопровождаемый флотомъ для морской блокады и бомбардированія крѣпости.

По отдаленному положенію отъ театра военныхъ дѣйствій, предположенныхъ въ Азіятской Турціи, и по совершенному недостатку войскъ на Кавказѣ, Анапа включена была въ черту дѣйствій Дунайской арміи; по этому изъ Екатеринославской губерніи передвинута была въ Севастополь егерская бригада 7-й пѣхотной дивизіи, назначавшаяся для десанта, а со стороны Кавказа должны были участвовать въ предпріятіи только Таманскій гарнизонный полкъ и четыре полка черноморскихъ казаковъ.

Эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Грейга, съ десантомъ сухопутныхъ войскъ, вышла изъ Севастополя къ кавказскимъ берегамъ 21-го апрѣля. Въ тоже самое время къ Анапѣ двигались и со стороны черноморской линіи два конные, № 8 и 9, и два пѣшіе, 5 и 8, казачьи полки съ конною батареею, предводимые самимъ войсковымъ атаманомъ Безкровнымъ. На пути къ нимъ должны были присоединиться шесть ротъ Таманскаго полка, рота Нашебургскаго и четыре орудія. Весь этотъ отрядъ поступалъ въ команду флигель-адъютанта полковника Василя Алексѣевича Перовскаго ¹⁾, который быстрымъ движеніемъ къ Анапѣ долженъ былъ очистить край отъ непріятельскихъ шаекъ и обезпечить высадку десанта.

Безкровный шелъ впереди, и передъ его отрядомъ скоро показались признаки близости непріятельской крѣпости: 28-го апрѣля черноморскіе пластуны наткнулись на турецкій караулъ, стоявшій на противоположной косѣ Бугаза, и сняли его — 14 человекъ, безопасно занимавшихся рыбною ловлею, были перебиты или взяты въ плѣвъ; на слѣдующій день, на одинъ изъ русскихъ секретовъ, уже по ту сторону Бугаза, наѣхало два непріятельскихъ всадника — и оба были захвачены; одинъ изъ нихъ оказался турокъ, другой черкесь; 30-го апрѣля — новое столкновеніе: въ то время, какъ ата-

¹⁾ Впослѣдствіи извѣстный генераль-губернаторъ Оренбургскаго края.
в. потто, т. IV, в. I.

манъ Безкровный съ частію своихъ казаковъ перешелъ бродъ и двинулся къ косѣ Джимитей, показала черкесская партія. По мѣрѣ приближенія отряда она отступала къ горамъ и, наконецъ, зажгла нѣсколько домовъ на Джимитей. Безкровный остановился не доходя деревни, и занялъ разоренное укрѣпленіе, которое казаки паскоро исправили. Партія, однако, не ушла; она весь день кружилась возлѣ казаковъ, и только 2-го мая, когда къ Безкровному присоединился весь отрядъ Перовскаго — черкесы исчезли. Погода стояла тогда ненастная, шелъ сильный дождь съ порывистымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, и обозы, тинувшіеся всю ночь, прибыли на Джимитейскую косу только подь утро.

Между тѣмъ, послѣ бурнаго плаванія, 2-го же мая, на горизонтѣ показала и эскадра Грейга съ десантными войсками. Она подошла къ Анапѣ и стала на якорь. Какъ главный начальникъ экспедиціи, Грейгъ немедленно отправилъ къ анапскому нашѣ парламентаря съ требованіемъ сдачи крѣпости. Паша отказался. «Вы предлагаете мнѣ невозможное — сказалъ онъ русскому офицеру — начальникъ вашъ исполняетъ то, что велѣлъ ему его Государь, я не измѣню своему. Судьба должна рѣшить кому владѣть Анапою.» Оставалось одно — приступить къ осадѣ крѣпости.

Анапа, построенная въ сѣверозападной оконечности земли черкесовъ, на мысѣ глубоко вдавшемся въ море, съ трехъ сторонъ омывалась водою. Прямо, къ западу, разстилалось открытое море, уходя въ безграничный просторъ. Къ сѣверо-востоку береговой изгибъ мыса образовывалъ заливъ, пересѣкаемый небольшою косою, а между заливомъ и мысомъ, на которомъ стояла Анапа, вливается въ море рѣчка Бугурь. Къ югу, почти прямою линіею, далеко отъ Анапы тянулся берегъ, а на востокъ отъ нея лежала плоская равнина, обрамленная горами, изъ за которыхъ ежеминутно могли появиться черкесы. На этой то плоскости и должны были совершиться всѣ перипетіи осадной войны.

Оставивъ на Джимитейской косѣ, для прикрытія своихъ сообщеній съ Бугазомъ, роту Таманскаго полка съ двумя орудіями

и частью казаковъ, Перовскій 3-го Мая подошелъ къ Анапѣ и занялъ тѣсное пространство по рѣкѣ Бугуру, между берегомъ моря и обширнымъ болотомъ, отдѣлявшимъ его отъ горъ.

На морѣ всѣ эти дни свирѣствовала сильная буря, препятствовавшая высадкѣ десанта, и отрядъ Перовскаго, силою въ 900 человекъ, долженъ былъ стоять одинъ противъ сильной крѣпости. Видя, что штормъ не позволяетъ соединиться русскимъ войскамъ и что корабли за мелководьемъ не могутъ приблизиться къ берегу даже настолько, чтобы вредить крѣпости огнемъ морской артиллеріи, турки въ продолженіи трехъ дней дѣлали непрерывныя вылазки. Перовскій, окружившій свою позицію цѣлымъ рядомъ небольшихъ полевыхъ укрѣпленій, держался стойко, но вечеромъ 5-го мая онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ условными сигналами потребовать помощи. Попытка свезти на берегъ десантъ была сдѣлана, но, не смотря на всѣ усилія, только 40 человекъ были сняты съ лодокъ—остальные ночевали въ морѣ. Къ счастію подъ утро вѣтеръ нѣсколько утихъ, и 6-го мая 13-й и 14-й егерскіе полки съ восемью орудіями батарейной роты 7 артиллерійской бригады, подъ командою генераль-адъютанта князя Меншикова, вышли на берегъ. Турки попробовали разомъ атаковать десантъ и отрядъ Перовскаго, чтобы помѣшати ихъ соединенію, но попали подъ огонь кораблей—и отступили. Отряды соединились и тотчасъ устроили пристань и телеграфъ для сообщеній и переговоровъ съ флотомъ. Меншиковъ принялъ команду надъ всѣми войсками, Перовскій назначенъ начальникомъ штаба осаднаго корпуса.

7-го мая началось бомбардированіе крѣпости. Три дня громили стѣны ея морскія орудія съ флота; а въ это время и на сушѣ, на правомъ берегу Бугура, на плоской песчаной косѣ, вдающейся въ заливъ, воздвигалась демантиръ-батарея. Случилось, что въ то время, какъ батарея уже достраивалась, Меншиковъ получилъ свѣдѣніе объ одномъ обстоятельстве, грозившемъ большою опасностью для осаждающихъ. Ему сообщили, что при самомъ устьѣ рѣки, впереди батареи, находится бродъ, которымъ непріятель легко можетъ воспользоваться для

внезапнаго ночнаго нападенія и захвата пушекъ. Последнее ему было тѣмъ легче, что днемъ съ угловаго бастиона, стоявшаго отъ батареи только на разстояніи картечнаго выстрѣла, не могло укрыться ни одного движенія русскихъ; Меншиковъ немедленно одинъ отправился къ указанному мѣсту, чтобы лично убѣдиться въ степени опасности. Болѣе четверти часа пробылъ онъ подъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ, осматривая берега и теченіе Бугура и, вернувшись, приказалъ посылать на ночь, на самую оконечность косы, взводъ егерей. Весь русскій отрядъ видѣлъ холодное мужество своего начальника и спокойно слѣдилъ за нимъ, когда онъ проѣзжалъ по берегамъ Бугура, осыпaeмый непріятельскими снарядами,—это сразу приобрѣло ему любовь и довѣріе войска.

10-го мая батарея была готова—и два корабельные 36 фунтовые орудія и мортира большого калибра открыли огонь по угловому бастиону крѣпости. На эту батарею возлагались наибольшія надежды. Нужно сказать, что бомбардированіе крѣпости съ моря мало причиняло ей вреда, такъ какъ мелководье не позволяло кораблямъ и фрегатамъ подходить къ ней на близкое разстояніе. Меншиковъ не хотѣлъ повести осаду съ открытой, наиболѣе доступной полевой стороны крѣпости, гдѣ стѣны были не такъ высоки и рвы менѣе глубоки. Оттуда нѣкогда атаковалъ Анапу Гудовичъ. Меншиковъ, напротивъ, выбралъ сѣверный фасъ, укрѣпленный сильнѣе другихъ, но за то представлявшій ту выгоду, что, сбивъ орудія съ двухъ угловыхъ бастионовъ, войска уже безопасно приближались къ крѣпости, такъ какъ эти же самые бастионы закрывали бы ихъ отъ выстрѣловъ съ другихъ укрѣпленій. Сверхъ того, доставка съ флота большихъ корабельныхъ орудій и громоздкихъ снарядовъ была удобнѣе на этомъ пунктѣ, нежели на другихъ, куда приходилось бы перетаскивать ихъ на рукахъ солдатъ. Батарея на косѣ занимала, такимъ образомъ, самый выгодный пунктъ, соотвѣтствующій всѣмъ этимъ цѣлямъ. А чтобы доставить войскамъ возможность переходить въ наступленіе и вести траншейныя работы къ атакованному бастиону—черезъ Бугуръ наведенъ былъ мостъ, и доступъ къ

нему непріятеля загражденъ редутомъ, въ которомъ расположились двѣ, переброшенные за рѣку, егерскія роты.

Планъ Меншикова, вѣрно задуманный, представлялъ одну слабую сторону. Войска, скученныя къ устьямъ Бугура, оставляли открытою плоскость, весьма удобную для сношеній крѣпости съ черкесами, которые могли свободно проводить въ нее и подкрѣпленія и жизненные припасы. А занять эту плоскость войсками значило растянуть и безъ того не многочисленный отрядъ въ длинную осадную линію, что, впоследствии, какъ увидимъ, пришлось, однако, сдѣлать.

Турки, повидимому, понимали свою выгоду и попытались задержать русскихъ на той сторонѣ Бугура. Въ ту же ночь, какъ только егеря заняли зарѣчный редутъ, непріятель сдѣлалъ сильную вылазку, а крѣпость открыла огонь со всѣхъ своихъ батарей, стремясь разрушить мостъ и тѣмъ остановить переправу русскихъ резервовъ на помощь къ атакованнымъ. Егеря, однако, выдержали нападеніе, и одни, безъ резервовъ, отбросили турокъ.

Тогда на слѣдующій день послѣдовало новое нападеніе на русскую позицію, но уже съ тылу, со стороны Бугаза. Дѣйствовала черкесская конница, спустившаяся съ горъ, — и дѣйствовала, видимо, съ цѣлью отвлечь отъ рѣки въ ту сторону большую часть русскаго войска. Тамъ, прикрывая лагерь, стояли черноморскіе казаки; на помощь къ нимъ подошелъ баталіонъ 13-го егерскаго полка, — и горцы, послѣ жаркой схватки, были отбиты. Потери русскихъ въ этомъ дѣлѣ были бы ничтожны, еслибы человекъ 30, еще неопытныхъ въ кавказской войнѣ, егерей, не зарвались въ погонѣ за горцами; они слишкомъ отделились отъ своего баталіона и на его глазахъ были окружены и изрублены. Трудно сказать, какую потерю понесли черкесы, но въ числѣ убитыхъ былъ ихъ владѣтельный князь Сатугъ-Ханашъ-Иббинъ-Цака, извѣстный по всей Кубани своими набѣгами. Онъ былъ сраженъ въ рукопашной схваткѣ однимъ изъ егерей, которому князь Меншиковъ тутъ же подарилъ сто рублей и пожаловалъ знакъ отличія военнаго ордена.

На этотъ разъ черкесы были отражены удачно; но за бу-

дущее было трудно ручаться; они легко могли появиться еще въ большихъ силахъ и прорваться до лагеря. И вотъ, чтобы избѣжать на будущее время подобныхъ опасныхъ случаевъ, пришлось въ тылу, со стороны Бугаза, между болотомъ и моремъ протянуть линію ретраншементовъ, а лѣвѣе ея, на возвышеніи, командовавшемъ всею окрестною мѣстностью и недоступномъ для черкесовъ по причинѣ болотъ, поставить отдѣльное укрѣпленіе. Въ тоже время стало очевиднымъ, что пока не прерваны сообщенія крѣпости съ черкесами, невозможно было рассчитывать на успѣхъ осады, и потому, не смотря на малочисленность своего отряда, Меншиковъ рѣшилъ образовать особую подвижную колонну, которая охраняла бы всю плоскость къ югу отъ Бугура. Два баталіона, одинъ отъ 13-го, другой отъ 14-го егерскихъ полковъ, при четырехъ орудіяхъ, перешли Бугуръ и расположились на равнинѣ, укрѣпившись двойными редантами, способными защищаться на два фронта. Къ сторонѣ рѣки поставленъ былъ, кромѣ того, полевой редутъ, вооруженный двумя орудіями. Въ этой позиціи, готовый отражать и черкесовъ съ горъ, и турокъ изъ крѣпости, отрядъ сверхъ того имѣлъ назначеніе охранять осадныя работы, которыя велись отъ предмостнаго редута къ угловому бастіону Анапы. И съ этого момента всѣ усилія и горцевъ, и турокъ направляются къ тому, чтобы возстановить прерванное между ними сообщеніе.

Осадныя работы начались 12-го числа, въ день нападенія черкесовъ на тылъ русской позиціи. Но едва заложена была первая полупараллель, какъ встрѣтились уже препятствія. Со стороны Анапы велись контръ-апроши, и 15-го мая работы столкнулись. Въ траншеяхъ стояла тогда рота 14-го егерскаго полка. Командиръ ея, капитанъ Туркичъ, вызвалъ ночью 60 охотниковъ и бросился съ ними на турокъ. Тщетно турки пытались защищаться, егеря вытѣснили ихъ изъ окоповъ и разрушили работы.

Теперь явилась возможность къ открытію и второй полу-параллели.

Осада крѣпости становилась все энергичнѣе и энергич-

нѣе. Канонирскія лодки, бомбарды и другія суда черноморской флотиліи, которымъ мелководье не мѣшало подходить близко къ берегу, неумолчно громили приморскія укрѣпленія. Три турецкія кочеры, изъ числа десяти, стоявшихъ на якорѣхъ подъ пушками крѣпости, были потоплены, три взяты на абордажъ и отведены на рейдъ; остальные четыре уже ничего не смѣли предпринимать противъ русскихъ крейсеровъ. Съ суши разрушенія крѣпости также постепенно увеличивались, а блокада становилась все тѣснѣе и дѣйствительнѣе. Войска, расположенныя внѣ лагеря, въ полѣ, только днемъ имѣли ружья въ козлахъ, а ночью одна шеренга отдыхала, а другая, въ непрерывномъ ожиданіи нападенія горцевъ, стояла въ полной боевой готовности,—и захватить ихъ въ расплохъ было нельзя.

Положеніе Анапы принимало характеръ почти безнадежный, и только еще слабая надежда на помощь со стороны черкесовъ кое-какъ поддерживала духъ гарнизона. Не всѣ, конечно, пути были заняты русскими пикетами и находились смѣльчаки, которые по ночамъ пробирались и изъ крѣпости въ горы, и изъ горъ въ крѣпость. Путемъ этихъ опасныхъ сношеній, черкесы и турки условились, наконецъ, между собою объ одновременномъ нападеніи на русскую подвижную колонну. И вотъ, утромъ 18 мая, турецкая пѣхота сдѣлала сильную вылазку, и въ тоже время показались горцы. Первый баталіонъ 13-го полка, ближайшій къ крѣпости, сталъ отступать къ полевому редуту; но редутъ уже стоялъ въ огнѣ: черкесы со всѣхъ сторонъ атаковали расположенный въ немъ баталіонъ 14-го полка. Ворваться въ редутъ они, однако, не могли и были отброшены съ большою потерей. Тогда толпы ихъ устремились къ Анапѣ, чтобы соединиться съ турецкимъ гарнизономъ; но отступавшій баталіонъ, поддержанный двумя вышедшими изъ редута ротами, преградилъ имъ дорогу, а двѣ остальные роты 14-го полка зашли горцамъ въ тылъ, и поставили ихъ подъ перекрестный огонь. Черкесы въ безпорядкѣ отхлынули назадъ, и съ ближнихъ высотъ слѣдили, чѣмъ кончится дѣло у турокъ. А турки были не въ лучшемъ

положеніи. Покинутые горцами, далеко отошедшіе отъ крѣпости, они очутились лицомъ къ лицу съ егерями, которые стремительнымъ ударомъ въ штыки смяли ихъ и обратили въ бѣгство,—а тутъ подоспѣли черноморскіе казаки и преслѣдованіе продолжалось до самыхъ стѣнъ крѣпости. Турки потеряли при этомъ одно полевое орудіе — «храбро защищаемое, но еще мужественнѣе, — какъ доносилъ князь Меншиковъ, — отбитое флигель-адъютантомъ графомъ Толстымъ, бросившимся на него съ 20-ю казаками». Убитые и раненые остались на полѣ сраженія; въ числѣ ихъ былъ и предводитель горцевъ, владѣтельный князь Темрюкъ, погибшій вмѣстѣ съ лучшими своими узденями. Богатый панцирь его, доставшійся егерямъ 2-й роты 13-го полка, какъ трофей отправленъ былъ къ государю. Героемъ этого дня былъ графъ Толстой съ своими казаками и, по приказанію Меншикова, имя его въ ночь на 19-е мая служило отзывомъ для храбраго отряда.

Какъ ни счастливо для насъ было дѣло 18 мая, оно показало, однако, возможность прорыва черкесовъ въ Анапу, и войска, стоявшія на лѣвомъ берегу Бугура, были усилены. Боевой фронтъ ихъ, обращенный лицомъ къ горамъ и тыломъ къ Анапѣ протянулся теперь черезъ всю равнину, такъ что правый флангъ начинался у морскаго берега, южнѣе Анапы, а лѣвый упирался въ Бугуръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на правомъ берегу его лежали болота. На этомъ пространствѣ войска расположились слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ стоялъ 1-й баталіонъ 13-го егерскаго полка въ двухъ ротныхъ кареяхъ, имѣя при каждомъ изъ нихъ по одному орудію; въ центрѣ двѣ роты таманцевъ, а на лѣвомъ флангѣ — баталіонъ егерей 14-го полка, также при двухъ легкихъ орудіяхъ. Предосторожность эта оказалась очень умѣстной. Носились слухи, что большой отрядъ горцевъ находится въ сборѣ — и войска стояли на сторожѣ. Дѣйствительно, на разсвѣтъ 28 мая, четыре тысячи конныхъ черкесовъ внезапно появилось передъ русской позиціей. Двѣ роты таманскаго полка не выдержали натиска; черкесы врубились въ каре, и въ безпорядкѣ съ огромною потерей отбросили его на егерей. Двѣ

роты 13-го полка, 2-я и 3-я, предводимыя командиромъ 7-й артиллерійской бригады полковникомъ Савочкинымъ, капитаномъ Докудовскимъ и поручикомъ Мусницкимъ, остановили бѣшеный натискъ непріятели и помогли таманцамъ снасти свою пушку; но за то сами они попали подъ ударъ всей массы черкесской конницы. Завязался упорный рукопашный бой. Атака слѣдовала за атакой, ударъ за ударомъ. Нѣсколько разъ врубались черкесы въ каре, и нѣсколько разъ выбрасываемы были изъ него штыками. Одушевляемые своими офицерами, молодые солдаты ни на одну минуту не позволили разстроить фронтъ и нарушить порядокъ, отъ котораго зависѣло спасеніе: рубили однихъ—другіе смыкали ряды, и горцы повсюду встрѣчали сплошную стѣну нависшихъ штыковъ. Межьѣ, чѣмъ въ полчаса рота Мусницкаго потеряла изъ 120—пятьдесятъ три человекъ изрубленными и, не смотря на непомѣрную убыль, все таки удержалась на мѣстѣ. Ни одна изъ ближайшихъ частей не могла между тѣмъ подойти на помощь: остальные двѣ роты того же баталіона, занимавшія правую оконечность линіи и двѣ роты 14-го полка, по первымъ выстрѣламъ подоспѣвшія сюда изъ лагеря, удерживали въ это время натискъ турецкаго отряда, вышедшаго изъ крѣпости. Но турокъ было много, и егеря, подавляемые превосходствомъ силъ, медленно отходили назадъ, осаривая каждый шагъ у непріятели. Трудно сказать, чѣмъ бы кончился кровавый день, если-бы 1-й баталіонъ 14-го полка, еще не принимавшій участіе въ дѣлѣ, не двинулся съ лѣваго фланга и внезапно не появился бы въ тылу у черкесовъ. Замѣтивъ это движеніе, угрожавшее отрѣзать имъ отступленіе въ горы, горцы тотчасъ прекратили бой и, подобравъ убитыхъ, ускакали, увезя съ собой и свои орудія. Турки опять остались одни. Тогда каре полковника Савочкина и двѣ роты таманцевъ, освободясь отъ стремительнаго натиска горцевъ и обезпеченные съ тылу баталіономъ егерей, устремились на турокъ; отступавшія колонны также перешли въ наступленіе; 6-я рота 14-го егерскаго полка сразу отбила турецкую пушку,—и непріятель поспѣшно сталъ отступать. Но укрыться

въ Анапу удалось только тѣмъ, кто бѣжалъ шибче другихъ и менѣе другихъ думалъ о сопротивленіи.

Дѣло въ томъ, что въ моментъ, когда непріятель повернулъ назадъ, изъ траншей выскочила 4-я рота 14-го полка, и вмѣстѣ съ конными полками черноморскихъ казаковъ, прискакавшими сюда съ атаманомъ Безкровнымъ, отрѣзала его отъ крѣпости. Тогда произошла страшная сцена. Часть уходящей артиллеріи моментально захвачена была казаками, множество турокъ было изрублено, а человекъ 700 изъ нихъ загнаны на высокій утесъ, висѣвшій надъ морскою бездною, и безопадно сброшены въ море.

Кровавая схватка эта памятна однимъ эпизодомъ, который долженъ быть сохраненъ въ потомствѣ, какъ примѣръ необычайнаго самоотверженія и привязанности къ начальнику русскаго солдата. Когда турки прижаты были къ кручѣ, командиръ 4-й роты, штабсъ-капитанъ Томиловскій, схватился на самомъ краю обрыва съ турецкимъ офицеромъ. Долго боролись они; наконецъ Томиловскій свернулъ своего противника въ кручу, но потерялъ равновѣсіе, и самъ увлеченъ былъ въ бездну. По счастью, небольшая скала, выдававшаяся изъ отвѣсной стѣны берега, задержала его паденіе. Томиловскій жестоко расшибся, но успѣлъ удержаться и повисъ надъ бездною. Между тѣмъ турецкій гарнизонъ, желая спасти хоть часть своихъ товарищей, выслалъ изъ крѣпости вдоль берега, прикрытаго крутизною, небольшой отрядъ, который снизу могъ обстрѣливать край обрыва. Турки увидѣли русскаго офицера, висѣвшаго надъ бездною, открыли огонь и прострѣлили ему ногу. Изнемогая отъ раны, Томиловскій уже готовился къ смерти, которая казалась ему неизбѣжною, какъ вдругъ услыхалъ надъ своею головою шорохъ и шумъ скатывавшихся внизъ камней. Двое солдатъ 4-й роты, несмотря на явную смерть, грозившую имъ при малѣйшей неосторожности, спустились къ нему, цѣпляясь за выдавшіеся камни. Но вотъ передъ ними голый утесъ—дальше ползти нѣтъ никакой возможности. Солдаты, осыпаемые снизу градомъ турецкихъ пуль, кое какъ утвердились на камнѣ и протянули Томиловскому

ружья. Раненный Томиловскій не могъ встать на ноги. Отъ чрезмѣрнаго усилія поднять его, одинъ изъ солдатъ потерялъ равновѣсїе и упалъ въ пропасть. Другой, видя, что одинъ не въ силахъ спасти начальника, вернулся на верхъ, позвалъ другаго товарища и вмѣстѣ съ нимъ вторично началъ спускаться съ утеса. Томиловскій кричалъ имъ, чтобы они не подвергали себя почти вѣрной смерти, приказывалъ имъ удалиться и оставить его на произволь судьбы. Но солдаты молча и настойчиво дѣлали свое дѣло. Вотъ они уже на послѣднемъ уступѣ. Связавъ вмѣстѣ нѣсколько поясовъ, снятыхъ съ убитыхъ турокъ, они бросили конецъ Томиловскому и, послѣ долгихъ усилій, втащили его на верхъ. Рота окружила своего командира и съ торжествомъ, на рукахъ, понесла его въ лагерь. Томиловскій держалъ въ рукахъ богатую турецкую саблю, добытую имъ отъ своего противника—трофей, который онъ не бросилъ даже тогда, когда, израненный и истомленный, висѣлъ надъ страшною бездною. Рана Томиловскаго была смертельна и онъ черезъ нѣсколько дней скончался. Имена героевъ — егерей, съ такимъ самоотверженіемъ спасавшихъ командира, къ сожалѣнію забыты.

Побѣда 28-го мая сдѣлала паденіе Анапы неизбѣжнымъ. Тотчасъ послѣ боя, на самомъ обрывѣ морскаго берега, тамъ, гдѣ произошла кровавая катастрофа, оставлено было большое укрѣпленіе, названное въ честь черноморскаго атамана Алексѣя Даниловича Безкровнаго, — «Алексѣевскимъ»; а отъ этого укрѣпленія до главныхъ осадныхъ работъ протянуты были ложементы, куда на ночь вступали роты. Крѣпость была совершенно окружена. А чтобы отнять у турокъ и послѣднее средство сообщаться съ горцами по узкой песчаной полосѣ, лежавшей между подошвою береговыхъ утесовъ и моремъ, поставили особый постъ и вооружили его фальконетомъ. Спуститься съ прибрежныхъ высотъ къ морю возможно было только на веревкахъ; по этому на постъ вызывались охотники, которыхъ спускали внизъ на канатахъ вмѣстѣ съ трехдневнымъ продовольствіемъ и запасомъ патроновъ. По прошествіи этого времени ихъ поднимали на верхъ, а новыхъ—

такимъ-же порядкомъ спускали на ихъ мѣсто. Чтобы въ случаѣ надобности подать посту необходимую помощь, въ недалекомъ разстояніи отъ него постоянно стояли въ морѣ два вооруженные катера. При такихъ условіяхъ сообщенія съ горами дѣйствительно затруднены были до крайности. Да горцамъ было и не до турокъ. Атаманъ Безкровный съ своими конными и пѣшими полками ходилъ въ это время въ горы, предавая огню и мечу попутные аулы. Тревога распространилась по ближнимъ и дальнимъ ущельямъ, и черкесы, спасая свое имущество и семьи, покинули Анапу на произволъ судьбы.

Такъ шли дѣла до 10-го іюня, когда осадныя работы продвинулись къ самому гласису и начали спускаться въ ровъ двойною сапою. Крѣпость давно уже лежала въ развалинахъ: зубцы на стѣнахъ ея были сбиты, башни опрокинуты; брешь была такъ велика, что по взятіи крѣпости казаки свободно проѣзжали черезъ нее верхомъ. Но турки еще не сдавались и, чтобы сломить наконецъ ихъ упорство, князь Меншиковъ рѣшился штурмовать Анапу. 10-го іюня сдѣланы были всѣ нужныя для этого распоряженія: штурмовыя колонны назначены, въ войска розданы лѣстницы, крюки и фашины. Еще полчаса — и колонны пошли бы на приступъ; но въ это время паша, сдѣлавъ все, что было въ его силахъ, вступилъ въ переговоры. Они длились два дня, и наконецъ 12-го іюня анапскій гарнизонъ сдался военнопленнымъ. Комендантъ крѣпости знаменитый Чатырь-Османъ-оглы и всѣ женатыя турки, по условію, получили свободу и вернулись на родину.

Въ тотъ же день, 12-го іюня, баталіонъ 13-го егерскаго полка прошелъ черезъ брешь въ городъ и занялъ крѣпостныя бастіоны. Ровно въ полдень на стѣнахъ Анапы, обращенныхъ къ морю, взвился флагъ начальника морскаго штаба — впервые со времени его учрежденія. Флотъ салютовалъ ему; крѣпость отвѣчала флоту громомъ турецкихъ орудій.

Паденіе Анапы совершилось. Энергія, выказанная при этомъ русскими войсками, вызываетъ невольное удивленіе, и князь Меншиковъ въ письмѣ къ государю не находитъ словъ, чтобы выразить похвалу егерскимъ полкамъ, «которые, будучи со-

ставлены изъ людей молодыхъ, впервые дѣлавшихъ кампанію, не уступали въ хладнокровіи и мужествѣ старымъ, испытаннымъ воинамъ». Но эта энергія выразилась и не въ однихъ только чисто военныхъ дѣйствіяхъ. Быть можетъ еще большее удивленіе вызываетъ безрпотное перенесеніе страшныхъ трудовъ и лишеній, съ которыми сопряжена была вѣчно-тревожная стоянка передъ крѣпостью. Во все время осады, войска бивуакировали подъ палящими лучами солнца, не имѣя ни палатокъ, ни одного деревца, подъ тѣнью котораго можно бы было укрыться. Только одинъ начальникъ отряда, князь Меншиковъ, имѣлъ у себя ставку, да не вдаль отъ пристани разбито было нѣсколько большихъ наметовъ изъ корабельныхъ парусовъ для подвижнаго лазарета. Въ лагеря солдаты почти половину времени стояли подъ ружьемъ, и труды ихъ были такъ велики, что Меншиковъ вынужденъ былъ позаботиться объ облегченіи ихъ одежды: тяжелые кивера, мундиры, ранцы и портупен со штыковыми ножами—все это сложено было въ лагерѣ, и солдаты выходили въ строй въ шинеляхъ и фуражкахъ, имѣя при себѣ только ружье, да патронныя сумки. А между тѣмъ при этихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, солдаты питались чрезвычайно плохо. Въ теченіи всей осады люди не видѣли свѣжей говядины и варили одну кашицу, иногда съ солониной, а иногда пустую. Дровъ не было, и солдаты дрожали по ночамъ отъ холода, не имѣя возможности раскладывать костровъ. Правда, приморскія горы были покрыты мелкимъ кустарникомъ, но его стерегли черкесы, и посылать туда за дровами людей было бы крайне рисковано. Къ счастью еще, вся болотистая низменность, прилегающая къ лагерю, густо заросла камышемъ, который солдаты и употребляли для варки пищи; не будь этого камыша — не начемъ бы было даже сварить себѣ кашицу. Въ прѣсной водѣ чувствовался также большой недостатокъ, потому что въ Бугурѣ вода была болотистая, а въ колодцахъ, которые пытались рыть—солонватая. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій въ отрядѣ развилась страшная цынга и болѣе 200 человекъ пришлось отправить въ Севастополь.

Нѣсколько въ лучшемъ положеніи находился флотъ; но за то на его долю выпала не менѣе тяжкая и сложная задача — блокированіе крѣпости съ моря. Безъ его содѣйствія не возможно было овладѣть Анапою; онъ отрѣзалъ крѣпости всѣ сообщенія съ моремъ, перехватывалъ непріятельскія суда и въ теченіи осады забралъ болѣе тысячи плѣнныхъ. Моряки не были къ тому же праздными зрителями того, что дѣлалось на сушѣ, и команды матросовъ, высаживаясь на берегъ, наравнѣ съ егерями работали въ траншеяхъ.

Русскіе потеряли въ бояхъ болѣе 270 человекъ убитыми и ранеными, не считая офицеровъ, о которыхъ въ официальномъ журналѣ, веденномъ во время осады, свѣдѣній не сохранилось; упоминается только, что 6-го іюня, во время сильнаго огня съ турецкихъ верковъ, контуженъ ядромъ атаманъ Безкровный.

Цѣною всѣхъ этихъ жертвъ и усилій, русскіе взяли въ Анапѣ 4000 плѣнныхъ, 29 знаменъ и 85 орудій. Но главный результатъ, конечно, заключался не въ этихъ частныхъ приобрѣтеніяхъ. Съ окончательнымъ покореніемъ Анапы къ Россіи навсегда переходило господство надъ восточнымъ побережьемъ Чернаго моря и крѣпость уже никогда болѣе не возвращалась Турціи. Такимъ образомъ разрушилось гнѣздо, гдѣ постоянно зрѣли возмущенія и созидались заговоры противъ русской власти. И хотя послѣдствія показали, что съ покореніемъ Анапы еще не рѣшался вопросъ объ умиротвореніи черкесовъ, набѣги которыхъ съ тѣхъ поръ принимаютъ особенно кровавый характеръ; тѣмъ не менѣе устраненіе на нихъ турецкаго вліянія быть можетъ, предотвратило еще большіе ужасы, которые не имѣли бы тогда для Россіи характера только чисто мѣстныхъ и внутреннихъ смуть.

Вѣсть о покореніи Анапы доставлена была государю уже за Дунаемъ, въ лагерѣ при Кара-су, куда флигель-адъютантъ графъ Толстой привезъ ключи и флагъ покоренной крѣпости. Государь пожаловалъ Грейгу чинъ адмирала, Меньшикову — орденъ св. Георгія 3-го класса и чинъ вице-адмирала; Перовскій и Безкровный произведены въ генералы и послѣднему изъ нихъ данъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Всѣмъ полкамъ, какъ

егерскимъ, такъ и казачьимъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, пожалованы знамена съ надписью «за взятіе Анапы».

Болѣе двухъ недѣль эскадра простояла послѣ того подъ Анапою. Наконецъ, 3-го іюля, десантныя войска снова сѣли на корабли, и егерская бригада отправилась къ Варнѣ, чтобы тамъ промѣнять заслуженныя ею знамена на знамена Георгиевскія, и къ надписи «за взятіе Анапы», прибавить еще новую надпись: «и за взятіе Варны». Впослѣдствіи оба эти полка, почти въ полномъ своемъ составѣ, поступили на сформированіе новаго Лейбъ-егерскаго полка, послѣ извѣстной катастрофы, постигшей этотъ старыи полкъ въ окрестностяхъ Варны.

Не лишнее сказать, что съ судьбою Анапы тѣсно связаны воспоминанья о двухъ замѣчательныхъ людяхъ, въ свое время игравшихъ крупную роль между кавказскими горцами.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ крѣпости, былъ нѣкто Сеферъ-Бей, шапсугъ по рожденію. Въ молодыхъ лѣтахъ, попавши въ плѣнъ къ русскимъ, онъ нѣкоторое время учился въ Одесскомъ лицей; но не могъ примириться съ европейскою жизнію, и ушелъ въ горы. Случай привелъ его въ Царьградъ и тамъ его приняли въ службу султана. Природныя дарованія его были замѣчены, а нѣкоторое образованіе, полученное имъ въ Россіи, дало турецкому правительству мысль употребить его, какъ агента, не только для сношеній съ кавказскими горцами, но даже съ арабами въ Египтѣ и Алжирѣ. Въ Анапу Сеферъ-Бей попалъ случайно, передъ самую осаду, и скоро сдѣлался душою ея обороны. Во время вторичнаго плѣна онъ жилъ въ Базарджикѣ и былъ хорошо принятъ въ домѣ коменданта генераль-маіора Курнса, котораго посѣщала почти ежедневно. Какъ о замѣчательной чертѣ его характера рассказываютъ слѣдующее: въ Базарджикѣ онъ видимо сталъ тосковать и разъ сказалъ Курнсу: «меня убиваетъ мысль, что я, находясь почти на свободѣ, не пользуюсь случаемъ бѣжать въ сосѣдніе лѣса, откуда черезъ нѣсколько часовъ буду въ Шумлѣ. Долгъ чести требуетъ, чтобы я попытался бѣжать; но я обязанъ вамъ гостепріимствомъ и знаю,

что мой побѣгъ причинить вамъ большую неприятность, а потому прошу васъ прикажите смотрѣть за мною строже. Отнявъ отъ меня возможность бѣжать, вы тѣмъ облегчите мою совѣсть.» Два года прожилъ Сеферъ-Бей въ Базарджикѣ и, по заключеніи мира, возвратился въ Турцію.

Другой изъ этихъ людей, — знаменитый своею романтическою судьбою, Амалать-Бекъ, герой кавказскихъ горъ Ермоловской эпохи. Вынужденный бѣжать послѣ убійства полковника Верховскаго, онъ, послѣ долгихъ скитаній, укрылся наконецъ въ Анапѣ. Но здѣсь ему суждено было снова встрѣтиться съ русскими. Какъ извѣстно, Марлинскій въ своей «Кавказской Были,» озаглавленной именемъ этого героя, рассказываетъ, что на одной изъ вылазокъ, 18 или 28 мая, ядромъ отервало Амалать-Беку руку и что будто бы онъ взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ русской траншеѣ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что онъ дѣйствительно былъ тяжело раненъ на вылазкѣ, но горцы успѣли увезти его изъ крѣпости прежде, чѣмъ она сдалась. Остатокъ жизни онъ прожилъ среди черкесовъ въ нищетѣ и неизвѣстности и кончилъ ее, пораженный осною ¹⁾).

Прошли многіе годы. Время изгладило слѣды кровавой борьбы, совершившейся подъ Анапою, и только вѣчно бурливое Черное море лижетъ подножіе старинныхъ стѣнъ и немолчнымъ, грознымъ рокотомъ рассказываетъ таинственную сагу о промелькнувшихъ передъ нимъ временахъ и герояхъ. Но, въ нѣкогда гордой мусульманской твердынѣ, и по нынѣ сохранился памятникъ подвига, совершеннаго въ 1828 году русскими войсками. Это — большая, каменная православная церковь, обращенная изъ главной турецкой мечети, поврежденной во время осады русскими ядрами. Она освящена въ память того знаменательнаго дня, когда надъ испровергнутой магометанскою луною поднялся Господній крестъ, какъ знаменіе покоя, тишины и вѣчнаго мира.

¹⁾ См. Т. II стр. 353—354.